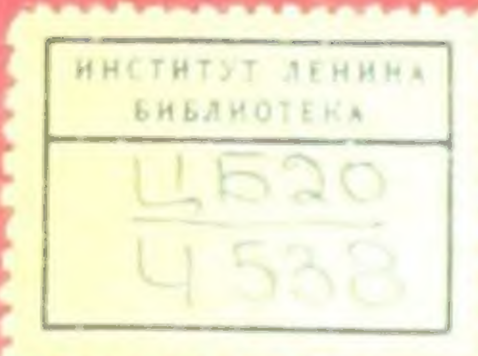
Чернышевский НГ

Научились-ли?

1879

1 экз

НАУЧИЛИСЬ-ЛИ?

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

Prix **50** centimes.

GENÈVE
M. ELPIDINE, Libraire-Editeur
Rue Pierre-Fatio, 6.

1879

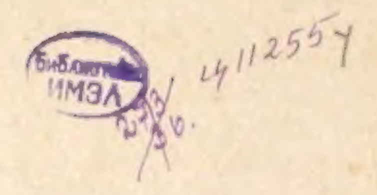
Отъ издателей

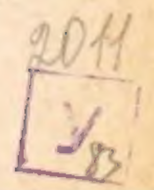
Семнадцать лѣтъ тому назадъ Н. Г. Чернышевскій выступилъ на защиту студентовъ, недовольныхъ университетскими стѣснительными правилами. Какъ въ тогдашнихъ реакціонныхъ сферахъ, такъ и въ нынѣшнихъ, обвиняли студентовъ въ томъ, что они не желаютъ учиться.

Ежегодный приливъ молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія доказалъ, что „дѣти" не меньше „отцовъ" стремятся къ образованію. Балканская же война (1877) показала, что студенты и студентки, движимые любовью къ отечеству и страстною преданностью къ наукѣ, похоронили себя въ Болгаріи. И вотъ такихъ-то молодыхъ людей, знаніямъ которыхъ даже военное министерство отдало справедливость, теперь въ Россіи вѣшаютъ и ссылаютъ массами.

М. Элпидинъ.

Ноябрь, 1879.

НАУЧИЛИСЬ ЛИ?

Въ „С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ“ напечатана и перепечатана въ „Сѣверной Пчелѣ,“ а можетъ быть еще и въ другихъ газетахъ, статья подъ заглавіемъ: „Учиться или не учиться?“ Она обрадовала людей, имѣющихъ привычку всякую вину во всякихъ непріятныхъ дѣлахъ приписывать исключительно молодому поколѣнію, да литераторамъ. Эти люди обрадовались потому, что вздумали увидѣть въ статьѣ выраженіе взгляда министерства народнаго просвѣщенія. Но мы полагаемъ, что они ошибаются и что статья эта выражаетъ собою только ихъ собственное мнѣніе, и что министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ никакой солидарности съ подобными обскурантами.

Начинается она тѣмъ, что „и смѣшно и грустно, а приходится сдѣлать вопросъ: хотимъ мы

учиться или нѣтъ?" Кто это „мы"? По грамматическому смыслу ближе всего тутъ разумѣть автора статьи и людей, составляющихъ одно съ нимъ. Если бы онъ предлагалъ свой вопросъ въ этомъ смыслѣ, было бы, пожалуй, „и смѣшно и грустно" для общества, но полезно для этихъ „мы," что они пришли наконецъ къ сознанію, не нужно ли имъ хоть немножко поучиться. Смѣшно и грустно было бы для общества узнать отъ самихъ этихъ „мы," что они еще не знаютъ, полезно ли учиться; но для самихъ этихъ „мы" было бы ужъ очень большимъ шагомъ впередъ то, что отъ прежней увѣренности въ ненужности и вредѣ ученія они перешли къ сомнѣнію объ этомъ предметѣ и начинаютъ подумывать, что можетъ быть и нужно имъ учиться; это служило бы для общества предвѣстіемъ тому, что когда нибудь и убѣдятся въ надобности учиться.

Но авторъ статьи, очевидно, относитъ не къ себѣ и къ своимъ единомышленникамъ, а къ русскому обществу свое сомнѣніе о существованіи охоты учиться. Онъ говоритъ, что повидимому кажется, будто общество хочетъ учиться. Признаками тому, какъ будто, служатъ, „сотни новыхъ журналовъ, десятки воскресныхъ школъ."—*Сотни*

новыхъ журналовъ, да гдѣ же это авторъ насчиталъ сотни? А нужны были бы дѣйствительно сотни. И хочетъ ли авторъ знать, почему не основываются сотни новыхъ журналовъ (вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать: газетъ), какъ было бы нужно? Потому, что по нашимъ цензурнымъ условіямъ невозможно существовать сколько нибудь живому періодическому изданію нигдѣ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ. Каждому богатому торговому городу было бы нужно имѣть нѣсколько хотя маленькихъ газетъ; въ каждой губерніи нужно было бы издаваться нѣсколькимъ мѣстнымъ листкамъ. Ихъ нѣтъ, потому что имъ нельзя быть. Говорятъ, что это скоро перемѣнится; — дай Богъ.

„Десятки воскресныхъ школъ." — Вотъ это не преувеличено, не то что „сотни новыхъ журналовъ": воскресныя школы въ имперіи, имѣющей болѣе 60 милл. населенія, дѣйствительно считаются только десятками. А ихъ нужны были бы десятки тысячъ, и скоро могли бы точно устроиться десятки тысячъ, и теперь же существовать по крайней мѣрѣ много тысячъ. Отчего же ихъ только десятки? Оттого, что онѣ подозрѣваются, стѣсняются, пеленаются, такъ что у самыхъ пре-

данныхъ дѣлу преподаванія въ нихъ людей отбивается охота преподавать.

Если это неправда, потрудитесь доказать противное и попробуйте въ доказательство обнародовать нѣкоторыя записки и совѣщанія, результатомъ которыхъ были разныя правила и инструкіи относительно воскресныхъ школъ.

Но по мнѣнію автора статьи, эти признаки желанія общества учиться, то есть небывалыя сотни новыхъ журналовъ и дѣйствительные десятки (удивительное число!) воскресныхъ школъ—признаки обманчивые: „послушаешь крики на улицахъ, скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то, и поневолѣ повѣсишь голову, и разочаруешься...“ Позвольте, г. авторъ статьи: какіе крики слышите вы на улицахъ? Крики городовыхъ и квартальныхъ,—эти крики и мы слышимъ. Про нихъ ли вы говорите?—„Скажутъ, что вотъ тамъ случилось то-то, а здѣсь вотъ то-то“—что же такое, напримѣръ? Тутъ случилось воровство, здѣсь превышена власть, тамъ сдѣлано притѣсненіе слабому, здѣсь оказано потворство сильному, — объ этомъ безпрестанно говорятъ.

Отъ этихъ криковъ, слышныхъ всѣмъ, и отъ этихъ ежедневныхъ разговоровъ въ самомъ дѣлѣ

„поневолѣ повѣсишь голову и разочаруешься.“ Но авторъ статьи ведетъ рѣчь не о томъ. Онъ толкуетъ о такъ называемыхъ исторіяхъ со студентами. Чтожъ, и объ этихъ исторіяхъ мы умѣли бы разсказать много любопытнаго. Напримѣръ, захватывались всѣ люди, которыхъ заставала полицейская или другая команда на извѣстномъ пространствѣ набережной, служащей единственнымъ путемъ сообщенія между двумя частями города, и всѣ эти люди держались не одинъ мѣсяцъ въ заключеніи, безъ разбора даже того, какимъ образомъ кто изъ нихъ находился на опальномъ пространствѣ въ несчастную минуту, — не проходилъ ли кто нибудь изъ нихъ черезъ это пространство съ Васильевскаго острова въ гостиный дворъ для покупки сукна или сапогъ; не проходилъ ли другой съ этой стороны города на бывшую тогда выставку картинъ въ академіи художествъ,—не только безъ всякаго отношенія къ студенческой исторіи, но быть можетъ и безъ понятія о томъ, что существуютъ на бѣломъ свѣтѣ люди, называемые студентами. Если угодно, можно будетъ указать сотни подобныхъ сторонъ въ дѣлахъ, называемыхъ студенческими исторіями. Но авторъ статьи говоритъ не объ этихъ много-

численныхъ сторонахъ, но только объ одной той, которая, по его мнѣнію, можетъ быть обращена въ порицаніе студентамъ. По его словамъ, „поколѣніе,“ кототорое нынѣ должно кончать свое образованіе, отказалось отъ ученья, оно можетъ обойдтись и безъ науки: это поколѣніе косвеннымъ образомъ содѣйствовало закрытію петербургскаго университета и прямо прекращенію публичныхъ лекцій. Будемъ говорить о дѣлѣ даже только въ тѣхъ слишкомъ узкихъ границахъ, въ которыхъ угодно разсуждать о немъ автору статьи.

Первымъ доказательствомъ тому, что молодое поколѣніе, представляемое студентами здѣшняго университета, отказалось отъ ученья, онъ выставляетъ событія, вслѣдствіе которыхъ былъ закрытъ университетъ. Чѣмъ были вызваны эти событія? Тѣми „правилами,“ которыя сдѣлались извѣстны подъ именемъ матрикулъ. Чѣмъ были недовольны студенты въ этихъ правилахъ? Общій духъ правилъ состоялъ въ томъ, что студентовъ, людей, вообще имѣющихъ тотъ возрастъ, въ которомъ, по законамъ нашей же имперіи, мужчина можетъ жениться и становиться отцомъ семейства, возрастъ, въ которомъ, по законамъ нашей же имперіи, человѣкъ принимается на государственную службу, можетъ быть командиромъ военнаго отряда, можетъ быть товарищемъ предсѣдателя гражданской или уголовной палаты,—студентовъ, людей этого возраста, „правила“ хотѣли поставить въ положеніе маленькихъ ребятъ. Удобно ли это вообще? — Пусть разсудитъ авторъ статьи. Мы ограничимся только тою стороною дѣла, о которой угодно разсуждать ему. Если люди признаны недостойными или неспособными находиться въ иномъ положеніи, чѣмъ маленькіе ребята, значитъ эти люди признаны неспособными и науку слушать въ такомъ видѣ, въ какомъ сообщается она взрослымъ людямъ и въ какомъ должна преподаваться въ университетѣ; значитъ, общій духъ „правилъ“ необходимо велъ къ обращенію университетовъ со стороны преподаванія въ училище малолѣтнихъ ребятъ, въ низшіе классы гимназіи, въ уѣздныя училища. Значитъ ли, что взрослый человѣкъ отказывается отъ ученія, когда недоволенъ тѣмъ, что его хотятъ учить какъ маленькаго ребенка? Это пусть знаетъ авторъ статьи относительно общаго духа „правилъ.“ Кромѣ того были въ нихъ два отдѣльныя постановленія, въ особенности возбудившія неудовольствіе сту-

дентовъ. Эти два постановленія были: во-первыхъ, отнятіе права у университетскаго начальства освобождать недостаточныхъ студентовъ отъ взноса платы за слушаніе лекцій и воспрещеніе студенческихъ сходокъ. Разъяснимъ автору статьи значеніе этихъ постановленій.

Плата за слушаніе лекцій составляетъ 50 руб. въ годъ. Большинство студентовъ люди, не имѣющіе совершенно ничего и живущіе самыми скудными и невѣрными доходами, изъ-за пріобрѣтенія которыхъ они бьются богъ знаетъ какъ. Кто изъ этихъ бѣдняковъ имѣетъ какіе нибудь уроки, тотъ уже счастливецъ. Не имѣя вѣрнаго рубля серебромъ на чай и сахаръ, не имѣя никогда хотя бы 20 руб. свободныхъ денегъ, какимъ образомъ могли бы эти люди взносить по полугодіямъ 25 рублей, требуемые въ началѣ каждаго семестра? Прекращеніе права университетскаго начальства освобождать бѣдныхъ студентовъ отъ взноса платы за слушаніе лекцій равнялось отнятію у большинства студентовъ права слушать лекціи. Если они почувствовали неудовольствіе на такое распоряженіе, значитъ ли, что они не имѣли охоты учиться?

Людямъ, перебивающимся такими малыми и

невѣрными доходами, какъ большинство студентовъ, безпрестанно бываютъ очень важны какіе нибудь 10 или 20 рублей. Черезъ мѣсяцъ, через два студентъ какъ нибудь перевернется, — получитъ уроки, достанетъ нѣсколько листовъ перевода и будетъ удѣлять рубли на уплату долга; черезъ три, четыре мѣсяца доходы опять изсякнутъ и опять придется занимать. Понятна важность кассы взаимнаго вспоможенія для общества людей, живущихъ въ такомъ положеніи. Понятно также, что этою кассою никто не можетъ управлять, кромѣ товарищей тѣхъ людей, которымъ она должна помогать. Тутъ нужно до мельчайшихъ точностей знать дѣла и характеръ каждаго просящаго денегъ. Вѣдь обезпеченія въ уплатѣ нѣтъ никакого, кромѣ личнаго характера; а видимое положеніе почти всей массы таково, что кромѣ близкихъ знакомыхъ никто не можетъ различить, дѣйствительно ли нужно пособіе требующему его, или требованіе неосновательно. Ни профессора, никакое начальство не можетъ замѣнить студентовъ въ управленіи ихъ кассой. Также никто кромѣ студентовъ не въ состояніи и провѣрять добросовѣстность или безпристрастіе распорядителей кассы. Значитъ, при существованіи

кассы необходимы сходки студентовъ для выбора депутатовъ, распоряжающихся кассой, для повѣрки ихъ отчетовъ, для обсужденія многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ сами распорядители кассы будутъ чувствовать надобность спрашивать совѣтовъ. Значитъ, запрещеніе студенческихъ сходокъ равнялось уничтоженію студенческой кассы, столь необходимой.

Понятно ли теперь, какой смыслъ имѣло недовольство студентовъ воспрещеніемъ сходокъ и непремѣнною обязанностью платы за слушаніе лекцій съ каждаго студента? Тутъ дѣло шло не о какихъ нибудь политическихъ замыслахъ, а просто о кускѣ хлѣба и о возможности слушать лекціи. Этотъ хлѣбъ, эта возможность отнимались.

Или это не такъ? Попробуйте доказать противное; попробуйте напечатать документы, относящіеся къ этому періоду дѣла.

Продолжать ли изложеніе дальнѣйшаго хода осенней студенческой исторіи, слѣдствіемъ которой было закрытіе здѣшняго университета? Если угодно будетъ автору статьи и его единомышленникамъ, мы готовы будемъ сдѣлать это для пополненія ихъ свѣдѣній о ней. Но для нашей цѣли довольно изложенныхъ фактовъ. Авторъ статьи

выставляетъ закрытіе здѣшняго университета слѣдствіемъ или признакомъ нежеланія студентовъ учиться. Мы доказали, что событія, имѣвшія своимъ слѣдствіемъ закрытіе университета, произошли отъ недовольства студентовъ „правилами,“ отнимавшими у большинства ихъ возможность учиться.

Разсматривать ли вопросъ, до какой степени имѣлась въ виду при составленіи „правилъ“ эта цѣль, — отнятіе возможности учиться у большинства людей, поступавшихъ въ студенты университета. Мы не будемъ разсматривать этого вопроса теперь; но если авторъ статьи или его единомышленники считаютъ нужнымъ доказать, что эта цѣль нисколько не имѣлась въ виду при составленіи „правилъ,“ пусть они напечатаютъ документы, относящіеся къ тѣмъ совѣщаніямъ, изъ которыхъ произошли „правила.“

Но во всякомъ случаѣ, какую бы цѣль ни полагали себѣ лица, занимавшіяся составленіемъ „правилъ,“ правила вышли таковы, что необходимымъ ихъ послѣдствіемъ было бы именно отнятіе возможности учиться у большинства студентовъ и возбужденіе недовольства въ студентахъ этимъ отнятіемъ. Таково было мнѣніе не однихъ сту-

дентовъ, а также и большинства профессоровъ здѣшняго университета и многихъ другихъ лицъ, занимавшихся этимъ дѣломъ.

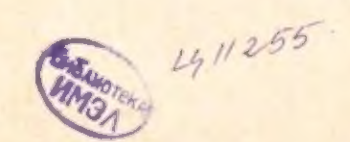
Если авторъ статьи и его единомышленники хотятъ опровергнуть это наше свидѣтельство, пусть попробуютъ они напечатать документы, относящіеся къ засѣданіямъ совѣта здѣшняго университета по вопросу о тогдашнихъ университетскихъ „правилахъ“ и другіе документы, связанные съ этимъ вопросомъ.

Если же они хотятъ утверждать, что раздѣляемое нами мнѣніе этихъ лицъ о тогдашнихъ „правилахъ“ неосновательно, то пусть они докажутъ, что мы ссылаемся на факты, выдуманные нами, когда говоримъ, что въ скоромъ времени послѣ закрытія здѣшняго университета правительство учредило коммиссію для пересмотра этихъ „правилъ“; что предсѣдателемъ этой коммиссіи было назначено лицо, формально осудившее эти „правила“ при самомъ же ихъ обнародованіи и отказавшееся приводить ихъ въ исполненіе въ своемъ университетѣ; что теперь эти „правила“ совершенно отвергнуты правительствомъ.

Когда будетъ доказано, что мы лжемъ, указывая на эти факты, только тогда будетъ доказано

и то, что ошибочно было впечатлѣніе, произведенное этими правилами на студентовъ здѣшняго университета и что причиною закрытія здѣшняго университета были не именно эти „правила,“ а нежеланіе студентовъ учиться.

Переходимъ къ другому факту, выставляемому у автора статьи вторымъ доказательствомъ нежеланія студентовъ учиться. Этотъ фактъ — прекращеніе публичныхъ лекцій весною нынѣшняго года. Мы думаемъ, что авторъ статьи и его единомышленники не найдутъ вредящимъ убѣдительности своего мнѣнія объ этомъ происшествіи то, что мы не дѣлаемъ попытки къ изложенію обстоятельства, за нѣсколько [дн]ей передъ прекращеніемъ лекцій возбудившаго очень сильные толки въ цѣломъ городѣ; надѣясь на то, мы не будемъ касаться этого предварительнаго обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на прекращеніе лекцій. Но какимъ образомъ произошло самое прекращеніе ихъ? Объяснять это печатнымъ образомъ мы не хотимъ, потому что иначе пришлось бы поименовать множество лицъ, не имѣющихъ никакой претензіи пародировать передъ публикою въ качествѣ интересныхъ для нея дѣятелей. Уважая ихъ скромность, я не стану здѣсь излагать под-

робности, къ нимъ относящіяся. Но у меня все таки есть средство заставить автора статьи отказаться отъ обвиненія студентовъ по дѣлу прекращенія публичныхъ лекцій. Этимъ средствомъ я уже пользовался съ успѣхомъ по тому же самому дѣлу. Вотъ оно. Я предлагаю безъименному автору статьи, чтобы онъ или пожаловалъ ко мнѣ (мой адресъ онъ можетъ узнать въ конторѣ „Современника") — или сообщилъ мнѣ свой адресъ и согласился, чтобы я пришелъ къ нему для разъясненія этого дѣла изустнымъ споромъ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, выбранныхъ въ равномъ числѣ отъ меня и отъ него. Выслушавъ наши объясненія, свидѣтели изложатъ въ формѣ протокола свое заключеніе. Если авторъ статьи не приметъ этого моего формально заявляемаго здѣсь приглашенія, я пріобрѣтаю право утверждать, что онъ самымъ непринятіемъ его засвидѣтельствовалъ невозможность доказать основательность своего мнѣнія.

Мы посвятили нѣсколько страницъ разбору нѣсколькихъ строкъ, которыми начинается статья „Учиться или не учиться." Теперь можемъ идти быстрѣе.

Авторъ статьи, „разочаровавшись" въ нынѣш-

нихъ студентахъ, спрашиваетъ себя, каковы будутъ будущіе студенты: „будутъ ли они грозить каѳедрамъ свистками, мочеными яблоками и т. п. уличными орудіями протестующихъ," т. е. нынѣшнихъ студентовъ. Свистки и моченыя яблоки употребляются не какъ „уличныя орудія": уличными орудіями служатъ: штыки, приклады, палаши; пусть вспомнитъ авторъ статьи, студентами ли употреблялись эти уличныя орудія противъ кого нибудь, или употреблялись они противъ студентовъ, и пусть скажетъ, если можетъ, была ли нужда употреблять ихъ противъ студентовъ. И такъ отлагаемъ рѣчь объ употребленіи уличныхъ орудій во время студенческой исторіи до той поры, когда авторъ статьи покажетъ намъ возможность подробнѣе заняться этимъ предметомъ. — Что же касается свистковъ и моченыхъ яблокъ, эти орудія протеста употребляются за границею въ театральныхъ и концертныхъ залахъ, а не на улицахъ; но находился ли хотя одинъ свистокъ въ рукахъ у кого нибудь изъ студентовъ и было ли хотя одно моченое яблоко брошено въ кого нибудь на какой нибудь лекціи или студенческой сходкѣ? Мы не слышали ничего подобнаго, и будемъ полагать, что ничего подобнаго не было,

пока авторъ статьи не докажетъ противнаго. Впрочемъ, онъ вѣроятно только не умѣлъ выразиться съ точностью или увлекся краснорѣчіемъ, а въ сущности намѣренъ былъ сказать только, что 8 марта въ залѣ городской думы было шиканье и свистъ. Кто свисталъ и шикалъ? По однимъ разсказамъ большая половина присутствующихъ, по другимъ разсказамъ меньшинство, но очень многочисленное. Между тѣмъ извѣстно, что студенты составляли лишь небольшую часть публики, находившейся въ залѣ. И если бы не хотѣла свистать и шикать публика, то голоса студентовъ были бы заглушены ея аплодисментами, если бы и всѣ до одного студенты шикали. А притомъ извѣстно, что многіе изъ нихъ не свистали и не шикали. Слѣдовательно, многочисленность свиставшихъ и шикавшихъ показываетъ, что шикала и свистала публика. Это положительно утверждаютъ и всѣ слышанные нами разсказы: часть публики аплодировала, другая часть шикала. Если шиканье было тутъ дурно или неосновательно, то извольте обращать свои укоризны за него на публику, а не на студентовъ. Пропуская нѣсколько тирадъ, содержащихъ въ себѣ варіаціи на строки, нами разобранныя, замѣтимъ слова,

относящіяся также къ прекращенію публичныхъ лекцій: студенты „стали требовать отъ профессоровъ, чтобы они пристали къ ихъ протестаціямъ и демонстраціямъ.“ Когда это было? Сколько мы знаемъ, этого никогда не было. „Конечно, послѣдніе отказались.“ Какъ они могли „отказываться“ отъ того, къ чему ихъ никогда не приглашали и чего никогда не предполагали дѣлать сами студенты. „Это вызвало со стороны учащихся рядъ неприличныхъ выходокъ“ — какихъ это выходокъ? Когда онѣ были?

Далѣе авторъ статьи разсуждаетъ о „свободѣ“ человѣка „имѣть въ религіи, политикѣ и т. д. такія убѣжденія, какія почитаетъ лучшими,“ и порицаетъ нашихъ „либераловъ“ за то, что они стѣсняютъ эту свободу во всѣхъ другихъ людяхъ. Въ доказательство тому приведена фраза изъ одной моей статьи; впрочемъ, она совершенно напрасно выставляется уликой противъ либераловъ, которые всегда отвергали всякую солидарность со мною и порицали мои статьи не меньше, чѣмъ авторъ статьи порицаетъ студентовъ. А главное дѣло въ томъ, что чѣмъ же студенты-то виноваты въ моихъ статьяхъ или неблагонамѣренности либераловъ? Развѣ я совѣтуюсь съ студентами,

когда пишу свои статьи? или развѣ наши „либералы,“ — имя, подъ которымъ разумѣются люди болѣе или менѣе не молодые и чиновные и ужъ ни въ какомъ случаѣ не студенты, — развѣ они набираются своихъ мнѣній отъ студентовъ? Впрочемъ авторъ только не умѣлъ начать рѣчь такъ, чтобы понятно было, къ чему онъ ведетъ ее, —а онъ ведетъ ее не къ тому, чтобы винить студентовъ за неблагонамѣренность нашихъ „либераловъ,“ каковыхъ онъ обижаетъ совершенно напрасно, выставляя ихъ солидарными со мною, съ которымъ не хотятъ они имѣть ничего общаго, а къ тому, чтобы убѣдить студентовъ перестать вѣрить этимъ „либераламъ,“ которыхъ онъ выставляетъ похожими на „турецкихъ пашей“ и имѣющими привычку „грозить побоями“ людямъ другихъ мнѣній. Но, во первыхъ, студенты никогда и не вѣрили нашимъ „либераламъ,“ всегда считали ихъ людьми пустыми, даже и не турецкими пашами, а просто пустозвонами; во вторыхъ, если статья имѣетъ цѣлью подольститься къ студентамъ и разочаровать ихъ на счетъ „либераловъ“ (забота совершенно излишняя), то статья не должна была бы такъ несправедливо винить самихъ студентовъ и тѣмъ отнимать у нихъ

расположеніе къ мыслямъ, въ ней изложеннымъ.

Потомъ идетъ рѣчь о какихъ-то „деспотахъ“ и „инквизиторахъ,“ подъ которыми авторъ статьи разумѣетъ все тѣхъ же нашихъ „турецкихъ пашей,“ то есть по его мнѣнію „либераловъ.“ Они между прочимъ сравниваются съ двумя Наполеонами, — тѣмъ, который ходилъ въ Москву, и тѣмъ, который управляетъ теперь Франціею, и которые „оба были республиканцами.“ Но это последнее слово ужъ никакъ неприложимо къ нашимъ „либераламъ,“ которые отъ республиканскихъ понятій гораздо дальше, чѣмъ отъ понятій, свойственныхъ автору статьи. Вотъ удивятся они, что успѣли прослыть республиканцами!

Затѣмъ авторъ „отъ души жалѣетъ тѣхъ молодыхъ людей, которые, еще не искушенные опытомъ жизни, увлекаются обманчивой и ласковой наружностью лжелибераловъ,“ — успокойтесь, почтенный авторъ: ни лжелибераламп, ни просто либералами молодые люди никогда и не увлекались. Затѣмъ опять идетъ рѣчь о „миньятюрныхъ бонапартикахъ и кромвельчикахъ,“ которые были будто бы „коноводами“ студентовъ. Любопытно было бы знать, на какихъ основаніяхъ авторъ статьи полагаетъ, что во время, предшествовав-

шее закрытію здѣшняго университета, или во время, предшествовавшее прекращенію публичныхъ лекцій, у студентовъ были „коноводы“ изъ людей, не принадлежавшихъ къ студенческому обществу? Мы положительно говоримъ, что никакихъ такихъ „коноводовъ“ студенты не имѣли. Если же авторъ статьи желаетъ опровергнуть это, то пусть попробуетъ напечатать слѣдственныя дѣла, производившіяся по поводу осенней студенческой исторіи или по другимъ процессамъ, въ которыхъ падало подозрѣніе на какихъ нибудь студентовъ, — тогда мы увидимъ, подтверждается или опровергается этими документами мнѣніе автора о какихъ-то будто бы существовавшихъ тогда связяхъ между студентами и какими-то „коноводами.“ Пока не будутъ обнародованы документальныя доказательства подобныхъ отношеній, мы будемъ утверждать, что ни въ какихъ документахъ ничего подобнаго отыскать нельзя, а во множествѣ документовъ должно находиться множество фактовъ, положительно уничтожающихъ всякую возможность хотя сколько нибудь основательнаго предположенія о существованіи этихъ мнимыхъ связей.

Но вслѣдъ за обличеніемъ „миньятюрныхъ бо-

напартиковъ и кромвельчиковъ,“ которые губили студентовъ, мы читаемъ успокоительное увѣреніе, что теперь студенты уже отвергли этихъ прежнихъ своихъ зловредныхъ коноводовъ: „высказавшись слишкомъ рано, они (миньятюрные бонапартики и кромвельчики) во время оттолкнули отъ себя тѣхъ, которые сначала повѣрили было искренности ихъ стремленій,“ т. е. оттолкнули отъ себя студентовъ. Ну вотъ и слава-богу. Далѣе слѣдуетъ увѣреніе, еще болѣе отрадное: по словамъ автора, скоро и вовсе провалятся въ общественномъ мнѣніи миньятюрные бонапартики или кромвельчики. Вотъ въ подлинникѣ это чрезвычайно утѣшительное предувѣдомленіе:

„До сихъ поръ еще впрочемъ условія цензуры нѣсколько затрудняли общественное разочарованіе; если же (какъ носятся слухи) печать будетъ, въ скоромъ времени, болѣе облегчена, тогда мыльные пузыри или миражи разсѣются сами собою, и тогда врядъ ли будутъ увлекаться даже наивнѣйшіе изъ самыхъ наивныхъ людей. Это будетъ первой и огромной пользой, которую принесетъ за собою облегченіе печати.

„Когда можно будетъ говорить свободнѣе, тогда лжелибералы встрѣтятъ себѣ сильный отпоръ въ людяхъ, истинно преданныхъ какой нибудь

мысли; тогда никто не будетъ стѣсненъ: на одинъ полунамекъ, темный, неясный, обманчивый и двусмысленный, отвѣтятъ десятью ясными и здравыми словами. Внутренняя пустота, скрывающаяся теперь подъ наружными формами какихъ-то убѣжденій, должна будетъ уступить полнотѣ убѣжденій истинныхъ."

Дай Богъ, дай Богъ, чтобы поскорѣе пришло такое хорошее время!

Но дальше авторъ статьи какъ будто нѣсколько сбивается въ словахъ: „обществу," говоритъ онъ, „нужны коноводы"; ну, на что же это похоже, что онъ желаетъ всему обществу стать въ послушаніе „коноводовъ," когда самъ же такъ сильно напустился на студентовъ по одному неосновательному подозрѣнію, что они имѣли „коноводовъ." Ай, ай, ай, вѣдь это ужъ вовсе не хорошо! Да то ли еще провозглашаетъ авторъ статьи: мало того, говоритъ, что обществу нужны „коноводы," — „народу нужны полководцы," — съ нами крестная сила, что это такое значитъ? какіе это полководцы нужны народу? Развѣ народъ надобно поднимать противъ кого нибудь, вооружать? вести въ какія нибудь битвы? Странно, странно читать такія вещи, напечатанныя въ

„С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и перепечатанныя оттуда въ „Сѣверной Пчелѣ." Ну, договорился благонамѣренный авторъ статьи до того, что оставалось бы ему только тутъ же закончить статью восклицаньемъ про себя: „языкъ мой — врагъ мой!" Но онъ, нимало не конфузясь, продолжаетъ: „довольно мы слышали всякихъ возгласовъ; намъ теперь нужны дѣло и люди дѣла." Я совершенно разочаровываюсь въ благонамѣренности автора и кричу: „слово и дѣло!" Что же это, въ самомъ дѣлѣ, авторъ хочетъ, чтобы у насъ образовалось то, что въ Италіи называется „партія дѣйствія?"

Хорошо, хорошо, слушаемъ, что будетъ дальше.

Дальше авторъ говоритъ, что столичные университеты безнадежны, погубили себя безвозвратно (или онъ не то хочетъ сказать? Вѣдь у него не разберешь, — вѣдь можетъ быть онъ только обмолвился, все равно какъ тогда, когда вышло изъ его словъ, будто онъ хочетъ вести народъ на борьбу противъ какихъ-то враговъ), и что „остается надежда" только „на провинціальные университеты" — что это значитъ? Предположено уничтожить здѣшній и московскій университеты? Или это только неумѣнье автора выражать-

ся? Должно быть, только неумѣнье выражаться, потому что вслѣдъ затѣмъ статья оканчивается увѣдомленіемъ о возобновленіи лекцій въ здѣшнемъ университетѣ и вопросомъ: „какіе слушатели соберутся“ въ здѣшній университетъ, когда онъ снова откроется, и будутъ или не будутъ они „учиться“? На эти вопросы отвѣчать очень легко: соберутся въ университетъ всѣ тѣ, не успѣвшіе кончить курса слушатели его, которые будутъ имѣть средства и получатъ дозволеніе собраться; а учиться они будутъ, пока имъ не помѣшаютъ учиться.

Но авторъ статьи вѣроятно только не умѣлъ выразить свою настоящую мысль и хотѣлъ спросить вовсе не объ этомъ, а о томъ, будутъ ли новыя демонстраціи со стороны студентовъ при открытіи или по открытіи университета? И на это можно отвѣчать очень опредѣленно: студенты рѣшили до послѣдней крайности воздерживаться отъ всякихъ демонстрацій, и на сколько дѣланіе или недѣланіе демонстрацій зависитъ отъ воли студентовъ, демонстрацій не будетъ. Но вѣдь не всесильны же студенты — мало ли что дѣлается противъ ихъ желанія? Вотъ, напримѣръ, публичныя лекціи они устроивали съ мыслью держать

себя совершенно спокойно, и удерживали спокойствіе въ залахъ лекцій, пока могли; а все таки произошла демонстрація 8 марта. Студенты наканунѣ рѣшали, что не нужно дѣлать демонстраціи; но обстоятельства сложились противъ ихъ воли такъ, что она была произведена публикою.

Прошедшія событія должны служить урокомъ для людей, которые думаютъ, что демонстраціи вредны. Эти люди должны предотвращать такія обстоятельства, изъ которыхъ рождаются демонстраціи.

О, если бы эти люди пріобрѣли хотя на половину столько самообладанія и благоразумія, сколько имѣютъ студенты — тогда конечно не было бы никакихъ демонстрацій.

Посмотримъ, какъ эти люди будутъ держать себя при открытіи и по открытіи университета и тогда увидимъ, научились ли они разсудительности. А мало было бы надежды на это, если бы люди, о которыхъ мы говоримъ, раздѣляли взглядъ, выразившійся въ статьѣ, нами разобранной, —чего мы не хотимъ думать.